

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ МАРКОВ

соискатель кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
mcvcom@yandex.ru

ОБРАЗ МАННЕРГЕЙМА В СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЕ НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ*

Рассмотрена эволюция образа главнокомандующего финской армией барона Маннергейма и выяснены причины его активного использования советскими пропагандистами на протяжении 1941–1942 годов и постепенного размывания на протяжении 1943–1944 годов. Как и все образы вражеских лидеров, он состоял из двух основных частей. Первая должна была вызвать в красноармейцах ненависть, а вторая «снизить» его, чтобы они не лишились воли к сопротивлению. Обе составляющие образа были построены на классовых принципах. Когда пропала необходимость в противопоставлении рядовых финнов и их правительства, образ Маннергейма стал терять свою четкость. Негативные характеристики, которые первоначально применялись лишь к нему, стали распространяться на остальных финнов. В результате он перестал выделяться в отдельную категорию и слился с образом врага вообще. В дальнейшем, так как Финляндия вышла из войны именно под руководством Маннергейма, этот образ оказался в значительной степени забыт пропагандистами и снят с повестки дня.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военная пропаганда, образ врага

Во время Великой Отечественной войны на Карельском фронте, где основным противником советских войск были финские воинские соединения, главным объектом для критики стала фигура Маннергейма. Целью данной работы является деконструкция образа Маннергейма, созданного в советской пропаганде, выявление его главных черт и анализ динамики принципов, которые определяли наиболее существенное в облике финляндского военного лидера и его трансформацию. Для этого будут решены несколько задач. Анализ основных составляющих образа Маннергейма, во-первых, будет направлен на выявление черт, которые должны были вызывать у красноармейцев ненависть. Во-вторых, необходимо определить те черты, которые «снижали» его, не давая ему стать слишком страшным. Наконец, нужно выяснить, каким образом изменение общих идеологических установок влияло на трансформацию пропагандистского облика Маннергейма и обусловливало изменение его значимости.

Критика Маннергейма в советской пропаганде имела особое значение с самого начала Великой Отечественной войны, так как на протяжении 1941 и I пол. 1942 года на Карельском фронте создавался двойственный образ врага: при его конструировании реакционное финляндское правительство противопоставлялось простым трудящимся-финнам, обманом втянутым им в войну против СССР. Финский главнокомандующий был идеальным объектом для персонификации всех негативных качеств, которые приписывались вражеской правящей верхушке. Этому способствовала как его биография, так и тот факт, что, в отличие от гражданских политиков,

которые часто сменяли друг друга в правительстве, Маннергейм, даже не занимая официальных постов, имел в Финляндии большое влияние, а в период войны получил власть, равную президентской.

Образ Маннергейма формировался прежде всего как образ классового врага, который отождествлялся с противниками революции времен Гражданской войны. Пропагандисты припомнили Маннергейму его баронский титул и напрямую связали его с Врангелем и Унгерном¹. Отождествление «старых» и «новых» врагов было характерно для советской пропаганды начального периода войны, но именно в образе Маннергейма оно сохранялось дольше всего и оказалось наиболее ярко выраженным. Именно с классовых позиций было написано барону Маннергейму письмо защитников полуострова Ханко, помещенное в газетах Карельского фронта. В письме четко разделялись отношение к нему как представителю правящего класса и отношение к обычным финнам. Авторы письма уничижительно характеризовали службу Маннергейма в царской армии и его роль в последующем сближении Финляндии с Германией. В письме делался вывод о том, что финский главнокомандующий действовал совсем не в интересах большинства народа. «Всю жизнь свою, проторговав своим телом и совестью, ты... торгуешь молодыми жизнями финского народа, бросив их под воюющий сапог Гитлера. Прекрасную страну озера ты залил озерами крови»².

Не забывали пропагандисты и о роли Маннергейма в подавлении финской революции. Отмечалось, что главнокомандующий финскими войсками использовал для этого немецкие части,

без которых наверняка не справился бы с красными финнами. Вновь на первый план выдвигался классовый аспект пропаганды, превалировавший в это время над национальным подходом:

А в восемнадцатом году продавшись еще раз
И снова изменив народу,
В крови мерзавец потопил
Народа финского свободу [1].

Советские пропагандисты старались показать, что он всегда оказывался на стороне правящей верхушки независимо от ее национальности. На основе этих установок выстраивались и другие черты образа Маннергейма. Он изображался не просто как слуга правящего класса, но и как предатель национальных интересов Финляндии. Тем самым советские военные пропагандисты подвергали сомнению утверждение официальной финской пропаганды о том, что Маннергейм являлся настоящим патриотом. Советская сторона всячески старалась показать, что это не так. Маннергейму ставилось в вину втягивание страны в войну за интересы Германии, которая привела к большим людским потерям³.

Война же являлась причиной раз渲ла экономики Финляндии и надвигающегося голода, о чем часто напоминала советская фронтовая пресса при приближении очередной военной зимы⁴. Особо пропагандисты указывали на то, что война привела не только к истощению финской экономики, но и к засилью немцев, которые пренебрежительно относились к финским союзникам и объедали и без того голодную страну⁵.

По делам барона пропагандисты судили и о его личных качествах. Он представлял в их изображении, с одной стороны, безжалостным и жестоким человеком («палач», «мясник»), с другой – трусом и подхалимом, некомпетентным руководителем, который боится отвечать перед народом и поэтому опирается на иностранцев. Созданию такого неприглядного образа помогали не только тексты, но и изображения.

Маннергейм, конечно, был не так популярен у советских карикатуристов, как Гитлер, но его изображения в газетах Карельского фронта встречались не так уж редко. Советские художники, как и все карикатуристы, представляли вражеского лидера утрированно, с разной степенью подробности. Общими в их работах являлись преувеличенно длинный нос Маннергейма, военный мундир и сапоги, а сам он изображался болезненно худым. Зато такая важная деталь, как усы, присутствовала не всегда и иногда заменялась щетиной. На голове Маннергейма чаще всего было финское военное кепи. В целом карикатуристы старались создать образ недалекого солдафона, который очень любил марши и порядок, но в собственно военных вопросах разбирался плохо. В отношении финнов Маннергейм всегда изображался грубым и выступающим в положении хозяина. Например, на одной из карикатур он был изображен

оседлавшим истощенную Финляндию, которую художник представил в виде худого изможденного мужчины в рваной одежде. Финн, помимо Маннергейма на шее, нес на руках тяжелую гирю с надписью «Военные налоги» и тянул за собой немецкий танк, символизируя тем самым, что немцы использовали финнов в качестве пушечного мяса. При этом он находился рядом с пропастью, и тень его уже представляла собой скелет, предрекая скорый крах и гибель финского народа в этой войне. Однако Маннергейм, не обращая внимания на опасность, продолжал подхлестывать своего «скакуна» плетью⁶.

В отношениях с немецким руководством образ Маннергейма резко менялся, превращаясь в изображении советских карикатуристов в бессловесного исполнителя их воли, даже не в слугу, а в вещь. На карикатуре «Покровительство германского фюрера» Маннергейм был представлен в виде ручки мясорубки, которую крутит Гитлер. В мясорубке оказалась Финляндия, аллегорически изображенная в виде изможденной женщины с седыми волосами⁷. Схожие мотивы присутствовали и в других изображениях. В одном из номеров газеты «Красноармейский удар» Маннергейм был изображен в виде старика, не способного самостоятельно двигаться, а сопровождавший карикатуру текст пояснял причину такого положения следующим образом: «Немцы выжали весь сок, сыпется из развалины песок»⁸.

Образ Маннергейма на протяжении 1942 года постепенно лишался ярко выраженных классовых атрибутов. Сосредоточение на текущем моменте и личных качествах способствовали тому, что и его образ стал не таким интересным, как в первый период войны, и приблизился к образам лидеров других союзников Германии. Этому способствовало и то, что во второй половине 1942 и в 1943 году происходили значительные идеологические сдвиги в военной пропаганде на Карельском фронте: образ финна постепенно становился цельным. Простые финны перестали противопоставляться правительству, превратившись в изображении пропагандистов в единую реакционную массу. В результате все негативные «сниженные» характеристики стали переносить с образа Маннергейма на рядовых финнов. Образ финна стал более цельным, а образ Маннергейма, в котором уже не было большой необходимости, оказался в значительной степени смазан, ведь по своим характеристикам он перестал отличаться от своих подчиненных.

Сложившееся положение привело к тому, что в конце войны с Финляндией образ Маннергейма почти не выделялся пропагандистами. Угрозы мести за военные преступления на территории КФССР со стороны пропагандистов и рядовых красноармейцев раздавались в адрес всех финнов. Изменение ситуации могло произойти в случае, если бы советские войска вынуждены были

воевать на территории Финляндии. Тогда пришлось бы снова проводить противопоставление рядовых финнов и правительства во главе с Маннергеймом. Подобное изменение в военной пропаганде произошло перед вступлением советских войск на территорию Германии [1], [2]. Однако Финляндия вышла из войны, и ее временным президентом стал Маннергейм. Такое событие привело к тому, что его образ был полностью затушеван и снят с повестки дня. Все сообщения о заключении мира или послевоенных изменениях в Финляндии подавались во фронтовых газетах максимально нейтральным тоном⁹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что первоначальный ярко негативный образ Маннергейма был вызван преобладанием в советской военной пропаганде классовых установок и не-

обходимостью противопоставить финских трудающихся и правящую верхушку Финляндии. В основе образа были именно классовые установки, которые объясняли причины, почему Маннергейм действовал именно так, а не иначе. По мере того как классовые установки в пропаганде при создании образа врага отходили на второй план, облик Маннергейма утратил свою яркость. Пропагандисты переставали противопоставлять рядовых финнов и правительство, поэтому он постепенно терял свою актуальность и смазывался. Те негативные качества, которые ранее приписывали финскому правящему классу, теперь были распространены на большую часть населения, соответственно, и в глазах красноармейцев лидер вражеского государства перестал принципиально отличаться от рядового врага.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сообщение о перемирии с Финляндией // Красноармейский удар. 1944. № 222. С. 1.

² Июльский Р. Ответ защитников Ханко барону Маннергейму // За счастье Родины. 1941. № 119. С. 2.

³ Клейнерман Ю. Финляндия глазами немца // Красноармейский удар. 1943. № 249. С. 2.

⁴ Голодная зима в Финляндии // На штурм. 1941. № 91. С. 2; Семейная слабость // Героический поход. 1941. № 132. С. 2; Ильинский Я. Финляндия страна отчаяния // На штурм. 1942. № 35. С. 2.

⁵ Деркачев Ф. Шила в мешке не утаишь // Героический поход. 1942. № 15. С. 2; Нарышкин Л., Левин М. А вот она «Новая Европа» вотчина Гитлера и его холопов // Красноармейский удар. 1943. № 1. С. 4.

⁶ Сквозняк // За Родину. 1942. № 274. С. 4.

⁷ Положение в Финляндии // Во славу Родины. 1944. № 131. С. 2.

⁸ Половин И., Антонов А. О чем рассказывают пленные // На штурм. 1941. № 88. С. 2.

⁹ Встреча товарища А. А. Жданова с президентом Финляндии Маннергеймом // Во славу Родины. 1944. № 135. С. 1; Решительное мероприятие // На штурм. 1942. № 123. С. 2; Сулимов Е. Палач и лакей // На штурм. 1942. № 86. С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Образ врага. М.: ОГИ, 2005. С. 191–230.
2. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 288 с.

Markov M. B., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MANNERHEIM IMAGE IN SOVIET WAR PROPAGANDA ON KARELIAN FRONT

Evolution of the image of Finnish army commander-in-chief Baron Carl Mannerheim is described in the article. Reasons for the active use of the image by the Soviet propagandists during 1941–1942 and subsequent gradual erosion of the image over the 1943–1944 are clarified. As all images of the enemy leaders it consisted of two main parts. The first one was to inspire hatred in the Red Army soldiers, and the second one – to “lower” its significance in such a way that the soldiers would not lose the will to resist. Both components of the image were built primarily on class principles, which created the foundation for all other features of the image. When the need to oppose ordinary Finns with their government ceased to be valuable, the image of the Finnish army commander-in-chief began to lose its sharpness. Negative characteristics originally used to describe only Mannerheim became applicable to the rest of the Finns. As a result, he no longer was identified as a separate person. His image merged with general image of the enemy. Later, as Finland withdrew from the war under the leadership of Mannerheim, his image was largely forgotten by Soviet propagandists and removed from their agenda.

Key words: WWII, war propaganda, image of enemy

REFERENCES

1. Vashik K. Metamorphoses of Evil: German and Russian Enemy Images in the Poster Propaganda during 1930s – 1950s [Metamorfozy zla: nemetsko-russkie obrazy vraga v plakatnoy propagande 30–50-kh godov]. *Obraz vraga* [Image of Enemy]. Moscow: OGI Publ., 2005. P. 191–230.
2. Senyavskaya E. S. *Protivniki Rossii v voynakh XX veka: evolyutsiya “obrazu vraga” v soznanii armii i obshchestva* [Foes of Russia in the Wars of the Twentieth Century: Evolution of “Enemy Image” in Military and Public Mind]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. 288 p.

Поступила в редакцию 20.11.2013